

ИМПЛОЗИЯ СМЫСЛА В СРЕДСТВАХ ИНФОРМАЦИИ

Мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла. В связи с этим возможны три гипотезы:

- Либо информация продуцирует смысл (негэнтропийный фактор), но оказывается неспособной компенсировать резкую потерю смысла во всех областях. Попытки повторно его инъецировать через возрастающую интенсивность и число медиа, меседжей и контентов оказываются тщетными: потеря, поглощение смысла происходит быстрее, чем его повторная инъекция. В этом случае следует обратиться к производственному базису, чтобы заменить терпящие неудачу медиа. То есть к целой идеологии свободы слова, средств информации, разделенных на бесчисленные отдельные единицы вещания, или к идеологии «антимедиа» (радиопираты и т. д.).

- Либо информация вообще ничего общего не имеет с сигнификацией. Это нечто совершенно иное, операциональная модель другого порядка, не относящаяся, строго говоря, к смыслу и его циркуляции. Такова, в частности, гипотеза К. Шеннона: сфера информации — сугубо инструментальная, техническая среда,

которая не включает в себя никакого конечного смысла и поэтому также не должна участвовать в оценочном суждении. Это разновидность кода, такого как генетический: он является тем, что он есть, он функционирует так, как функционирует, а смысл — это что-то иное, что появляется, так сказать, постфактум, как у Моно в работе «Случайность и необходимость». В этом случае просто не было бы никакой существенной взаимосвязи между инфляцией информации и дефляцией смысла.

• Либо, напротив, между этими двумя явлениями существует строгая и безусловная корреляция в той мере, в какой информация непосредственно разрушает или нейтрализует смысл и сигнификацию. Тем самым оказывается, что потеря смысла напрямую связана с разлагающим, разубеждающим действием информации, медиа и массмедиа.

Это наиболее интересная гипотеза, однако она идет вразрез с общепринятым мнением. Социализацию повсеместно измеряют через восприимчивость к сообщениям СМИ. Десоциализированным, а фактически асоциальным является тот, кто недостаточно восприимчив к медиа. Информация везде, как полагают, способствует ускоренному обращению смысла и создает прибавочную стоимость смысла, аналогичную той, которая имеет место в экономике и получается в результате ускоренного обращения капитала. Информацию рассматривают как создательницу коммуникации, и, несмотря даже на огромные непроизводственные затраты, существует общий консенсус относительно того, что мы имеем дело все же с избытком смысла, который перераспределяется во всех промежутках социально — точно так же, как существует консенсус относительно того, что материальное производство, несмотря на свою дисфункциональность и иррациональность, все же ведет к росту благосостояния и социальной гармонии. Мы все причастны к этому устойчивому мифу.

Это альфа и омега нашей современности, без которых рухнул бы авторитет нашей социальной организации. И, однако, *факт состоит в том, что он таки рушится*, причем именно по этой самой причине: там, где, как мы полагаем, информация производит смысл, происходит обратное.

Информация пожирает свой собственный контент. Она пожирает коммуникацию и социальное. И это происходит по двум причинам:

1. Вместо того чтобы быть верхом коммуникации, *информация исчерпывает свои силы в инсценировке коммуникации*. Вместо того чтобы производить смысл, она исчерпывает свои силы в инсценировке смысла. Перед нами очень знакомый гигантский процесс симуляции. Ненаправленные интервью, телефонные звонки аудитории, всевозможная интерактивность, словесный шантаж: «Это касается вас, событие — это вы и т. д.». Во все большее количество информации вторгается этот вид призрачного контента, этого гомеопатического прививания, эта мечта пробудить коммуникацию. Круговая схема, в которой на сцене разыгрывают то, чего желает аудитория, антитеатр коммуникации, который, как известно, всегда является лишь повторным использованием через отрицание традиционного института, интегрированной отрицательной схемой. Огромная энергия, направленная на удержание симулякра на расстоянии, чтобы избежать внезапной десимуляции, которая поставила бы нас перед очевидной реальностью радикальной потери смысла.

Бесполезно выяснять, потеря ли коммуникации ведет к этой эскалации в пределах симулякра или это симулякр, который первым появляется здесь с целью апотропии, с целью заранее воспрепятствовать любой возможности коммуникации (прецессия модели, которая кладет конец реальному). Бесполезно выяснять, что первоначально — ни то и ни другое, потому что

это циклический процесс — процесс симуляции, процесс гиперреального. Гиперреальность коммуникации и смысла. Более реальное, чем само реальное, — вот так реальное и упраздняется.

Таким образом, не только коммуникация, но и социальное функционирует в замкнутом цикле в качестве *обманки*, к которой приложена сила *мифа*. Доверие, вера в информацию присоединяется к этому тавтологическому доказательству, которое система предоставляет о самой себе, дублируя в знаках отсутствующую реальность.

Однако можно предположить, что эта вера столь же неоднозначна, как и вера, сопровождающая мифы в архаичных обществах. *В это верят и не верят*. Никто не терзается сомнениями: «Я знаю точно, но вопреки всему...» Этот вид обратной симуляции возникает в массах, в каждом из нас в ответ на симуляцию смысла и коммуникации, в которой нас замыкает эта система. В ответ на тавтологичность системы возникает амбивалентность масс, в ответ на апотропию — потеря интереса или до сих пор загадочное верование. Миф продолжает существовать, однако не стоит думать, что люди верят в него: именно в этом кроется ловушка для критической мысли, которая может работать, лишь исходя из предположения о наивности и глупости масс.

2. За этой инсценировкой интенсификации коммуникации, массмедиа, информации усиленными темпами продолжается непреодолимая деструктурация социального.

Тем самым информация разлагает смысл, разлагает социальное, превращает их в некую туманность,

---

¹³ Мы говорили здесь об информации лишь в социальном регистре коммуникации. Однако было бы очень интересно распространить эту гипотезу на кибернетическую *теорию* информации. Здесь

обреченную вовсе не на прирост нового, а, наоборот, на тотальную энтропию¹³.

Таким образом, медиа — это исполнительные механизмы не социализации, а как раз наоборот — имплозии социального в массах. И это лишь макроскопическое расширение *имплозии смысла* на микроскопическом уровне знака. Эту имплозию следует проанализировать, исходя из формулы Маклюэна *medium is message*, возможные выводы из которой еще далеко не исчерпаны.

Она означает, что все смысловое содержание поглощается единственной доминирующей формой медиума. Один лишь медиум является событием — безотносительно содержания, конформистского или субверсивного. Серьезная проблема для любой контринформации, радиопиратов, антимедиа и т. д. Однако существует еще более серьезная проблема, которую сам Маклюэн не обнаружил. Ведь за пределами этой нейтрализации всякого контента можно было бы надеяться на то, что медиум еще будет функционировать в своей

также фундаментальный тезис состоит в том, что она синонимична негэнтропии, резистентности энтропии, разрастанию смысла и его организации. Однако стоит выдвинуть противоположную гипотезу: ИНФОРМАЦИЯ = ЭНТРОПИЯ. Например: *информация или знание, которое можно получить о какой-то системе или каком-то событии, уже является формой нейтрализации и энтропии этой системы* (это можно распространить на науку вообще и на гуманитарные и общественные науки в частности). *Информация, которая отражает событие или посредством которой транслируется событие, уже является искаженной формой этого события.* Не колеблясь, проанализируем в этом плане участие СМИ в событиях мая 68-го. Студенческая акция получила развитие, что сделало возможным всеобщую забастовку, но последняя как раз и стала черным ящиком нейтрализации первоначальной вирулентности движения. Раздувание со стороны СМИ стало как раз смертельной ловушкой, а не положительным развитием событий. Следует с осторожностью относиться к универсализации борьбы с помощью информации. Следует с осторожностью относиться к кампаниям солидарности по всем направлениям, солидарности, одновременно электронной и внутримирской. Любая стратегия универсализации различий является энтропийной стратегией системы.

форме и что реальное можно будет трансформировать под влиянием медиума как формы. Если весь контент будет упразднен, останется, возможно, еще революционная и субверсивная ценность использования *медиума как такового*. Однако — и это то, к чему в своем предельном значении ведет формула Маклюэна, — происходит не только лишь имплозия месседжа в медиуме, но в том же самом движении происходит и имплозия самого медиума в реальном, имплозия *медиума и реального* в некий род гиперреальной туманности, в которой дефиниция и собственное действие медиума больше не идентифицируются.

Даже «традиционный» статус самих медиа, что характерно для современности, поставлен под сомнение. Формула Маклюэна: *medium is message*, являющаяся ключевой формулой эры симуляции (медиум является сообщением — отправитель является адресатом, эмиттер является рецептором — замкнутость всех полюсов — конец перспективного и паноптического пространства — таковы альфа и омега *нашей* современности), и сама эта формула должна рассматриваться в своем предельном выражении, то есть: после того как все контенты и месседжи испарятся в медиуме, сам медиум исчезнет как таковой. В сущности, это еще благодаря месседжу медиум приобретает признаки существования, это сообщение предоставляет медиуму его отчетливый, детерминированный статус посредника коммуникации. Без месседжа медиум сам попадает в неопределенность, характерную для всех наших основных систем суждения и оценки. Лишь *модель*, действие которой *непосредственно*, порождает сразу месседж, медиум и «реальное».

Наконец, *medium is message*, означает не только конец месседжа, но и конец медиума. Больше нет медиа в буквальном смысле слова (я имею в виду прежде всего электронные средства массовой информации), то

есть инстанции, которая была бы посредником между одной реальностью и другой, между одним состоянием реального и другим. Ни по содержанию, ни по форме. Собственно, это то, что и означает имплозия. Взаимопоглощение полюсов, короткое замыкание между полюсами любой дифференциальной системы смысла, стирание четких границ и оппозиций, включая оппозицию и границу между медиумом и реальным, — следовательно, невозможность любого опосредствованного выражения одного другим или диалектической зависимости одного от другого. Циркулярность всех эффектов медиа. Следовательно, невозможность смысла в буквальном смысле как одностороннего вектора, идущего от одного полюса к другому. Необходимо до конца проанализировать эту критическую, но оригинальную ситуацию: это единственное, что остается нам. Бесплезно мечтать о революции через содержание, тщетно мечтать о революции через форму, потому что медиум и реальное составляют отныне единую туманность, истина которой не поддается расшифровке.

Констатация этой имплозии контента, поглощения смысла, исчезновения самого медиума, резорбции любой диалектики коммуникации в тотальной циркуляции модели, имплозии социального в массах может показаться катастрофической и безнадежной. Однако это выглядит так лишь с точки зрения идеализма, который полностью доминирует в нашем представлении об информации. Мы все пребываем в безумном идеализме смысла и коммуникации, в идеализме коммуникации посредством смысла, и в этой перспективе нас как раз и подстерегает *катастрофа смысла*.

Однако следует понимать, что термин «катастрофа» имеет «катастрофическое» значение конца и уничтожения лишь при линейном видении накопления, финальности производства, которое навязывает нам система. Сам термин этимологически означает всего-навсего

«заворот», «сворачивание цикла», которое приводит к тому, что можно было бы назвать «горизонтом событий», к горизонту смысла, за пределы которого невозможно выйти: по ту сторону нет ничего, *что имело бы для нас значение*, — однако достаточно выйти из этого ультиматума смысла, чтобы сама катастрофа уже больше не казалась последним днем расплаты, в качестве которой она функционирует в нашем современном воображаемом.

За горизонтом смысла — фасцинация, являющаяся результатом нейтрализации и имплозии смысла. За горизонтом социального — массы, представляющие собой результат нейтрализации и имплозии социального.

Главное сегодня — оценить этот двойной вызов — вызов для смысла, брошенный массами и их молчанием (которое вовсе не является пассивным сопротивлением), — вызов для смысла, который исходит от медиа и их фасцинации. Все попытки, маргинальные и альтернативные, воскресить какую-то частицу смысла выглядят по сравнению с этим как второстепенные.

Совершенно очевидно, что в этой безнадежно запутанной конъюнкции масс и медиа кроется некий парадокс: или это медиа нейтрализуют смысл и производят «бесформенную» [informe] (или информированную [informée]) массу, или это массы удачно сопротивляются медиа, отвергая или поглощая без ответа все меседжи, которые те производят? Ранее, в «Реквиеме по масс-медиа», я проанализировал (и осудил) медиа как институт ирреверсивной модели коммуникации *без ответа*. А что сегодня? Это отсутствие ответа можно понять уже не как стратегию власти, а как контрстратегию самих масс, направленную против самой власти. Что в таком случае?

Находятся ли СМИ на стороне власти, манипулируя массами, или они на стороне масс и занимаются ликвидацией смысла посредством насилия над ним

и посредством фасцинации? Вызывают ли медиа в массах фасцинацию или это массы отвергают медиа, заставляя превращаться их в бессмысленное зрелище? Могадишо-Штаммхайм: медиа сами себя превращают в средство морального осуждения терроризма и эксплуатации страха в политических целях, но одновременно с этим в совершеннейшей двусмысленности они распространяют бесчеловечную фасцинацию теракта, они сами и есть террористы, поскольку сами подвержены этой фасцинации (вечная моральная дилемма, см. Умберто Эко: как избежать темы терроризма, как найти *правильный способ использования медиа — если его не существует*). Медиа несут смысл и контрсмысл, они манипулируют во всех направлениях сразу, этот процесс никто не может контролировать, они — средства внутренней по отношению к системе симуляции, и симуляции, которая разрушает систему, что в полной мере соответствует зацикленной логике ленты Мебиуса, — они в точности с ней совпадают. Этому не существует ни альтернативы, ни логического решения. Лишь логическое *обострение* и катастрофическое разрешение.

С одной поправкой. По отношению к этой системе мы находимся в раздвоенном и неразрешимом положении *double bind* — точно так, как дети перед требованиями взрослого мира. От них требуют становиться самостоятельными, ответственными, свободными и сознательными субъектами и одновременно быть безропотными, инертными, послушными, конформными, что соответствует объекту. Ребенок сопротивляется по всем направлениям и на противоречивые требования также отвечает двойной стратегией. Требованию быть объектом он противопоставляет все возможные варианты неповиновения, бунта, эмансипации, словом, самые настоящие претензии субъекта. Требованию быть субъектом он также упорно и эффективно противопоставляет сопротивление, присущее объекту, то есть

совсем противоположное: инфантилизм, гиперконформизм, полную зависимость, пассивность, идиотство. Ни одна из двух стратегий не имеет большей объективной ценности, чем другая. Сопротивление субъекта сегодня однобоко ценится выше и рассматривается как положительное — так же, как в политической сфере лишь поведение, направленное на освобождение, эмансипацию, самовыражение, становление в качестве политического субъекта, считается достойным и субверсивным. Это означает игнорирование влияния, такого же и, безусловно, гораздо более значительного, поведения объекта, отказ от позиции субъекта и отказ от смысла — но именно таково поведение масс, — которое мы предаем забвению под пренебрежительным термином отчуждения и пассивности.

Поведение, направленное на освобождение, отвечает *одному* из аспектов системы, постоянному ультиматуму, который выдвигается нам с тем, чтобы представить нас в качестве объектов в чистом виде, но оно отнюдь не отвечает другому требованию, которое заключается в том, чтобы мы становились субъектами, чтобы мы освобождались, чтобы мы самовыражались любой ценой, чтобы мы голосовали, вырабатывали, принимали решение, говорили, принимали участие, участвовали в игре, — этот вид шантажа и ультиматума, используемый против нас, так же серьезен, как первый, еще более серьезен, без сомнения, в наше время. В отношении системы, чьим аргументом является угнетение и репрессия, стратегическое сопротивление представляет собой освободительные притязания субъекта. Но это отражает, скорее, предшествующую фазу системы, и даже если мы все еще выступаем против, то это уже не является стратегической позицией: актуальным аргументом системы является максимизация слова, максимизация производства смысла. А значит, и стратегическое сопротивление — это отказ от смысла и от слова — или

же гиперконформистская симуляция самих механизмов системы, также представляющая собой форму отказа и неприятия. Это стратегия масс, и она равнозначна тому, чтобы вернуть системе ее собственную логику через ее удвоение, и смысл, словно отражение в зеркале, — не поглощая его. Эта стратегия (если еще можно говорить о стратегии) преобладает отныне, ведь она вытекает именно из той фазы системы, которая сложилась на сегодня.

Ошибиться с выбором стратегии — это серьезно. Все те движения, которые делают ставку лишь на освобождение, эмансипацию, возрождение субъекта истории, группы, слова, на сознательность, или даже на «извлечение бессознательного» субъектов и масс, не видят того, что они находятся в русле системы, чьим императивом сегодня является как раз перепроизводство и регенерация смысла и слова.